

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Арфа Гвилан»

«Gwilan's Harp»

Ursula Kroeber Le Guin

Editor: Alex. Rux. EIA

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Арфа Гвилан»

Le Guin

***«The Compass Rose»:
part «West»:
“Gwilan’s Harp”***

1977 © Ursula Kroeber Le Guin

1977 © автор Урсула Кроубер Ле Гуин

1996 © переводчик Е. Гужов

09.09.2017 © оформление Alex-Rus

09.09.2017 © редактор Alex.Rus.UA

Le Guin

РЕДАКТОР: ALEX.RUS.UA

COPYRIGHT © 1977 BY URSULA KROEBER Le Guin

Аннотация

Гениальная Урсула Кроубер Ле Гуин (Ursula Kroeber Le Guin) в своём небольшом лирическом рассказе «Арфа Гвилан» (в оригинале «Gwilan's Harp», 1977 год) погружает читателя в таинственные музыкальные глубины бытия и судьбы человеческой.

Произведение рекомендуется к прочтению людям всех возрастов, полов, рас и уровней музыкально-поэтического развития, а также всем (анти)гуманоидам, (квази)рептилоидам и конкретно (не)определившимся. Ну, а в образовавшихся таким образом небольших перерывах между добровольно-принудительными исправительно-воспитательными процедурами — агрессивным «гейропофобам», патологичным «гундяефилам», а также всяким раболепным верноподданным «руSSкага міра» и беспринципно фанатичным апологетам «Третьего Рима», Рейха, Вавилона иже с ними...

09.09.2017 © Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus¹

---

¹ Редакция 09.09.2017 г. рассказа 1977 года «Арфа Гвилан» (в оригинале «The Compass Rose»: part «West»: «Gwilan's Harp», автор Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin, переводчик Е. Гужов, 1996 г.) на основе текстового файла от 05.04.2001 г.. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

«Арфа Гвилан»

Арфа досталась Гвилан от матери и отсюда её мастерство, говорили люди. «О-о,» говорили они, когда Гвилан играла, *«можно сказать, что это рука Диеры»*, точно, как их родители говорили, когда играла Диера: *«О, это настоящая рука Пенлин!»* Матери Гвилан арфа досталась от Пенлин, подарок умирающего музыканта самому стоящему из учеников. Пенлин тоже получила её из рук музыканта; арфу никогда не продавали и не выменивали, ибо никакую цену нельзя было выразить цифрами. Царственный и самый невероятный инструмент переходил во владение бедному арфисту. Её форма была совершенной, каждая часть была крепкой и изящной: дерево тонкое и гладкое, словно бронза, украшения из слоновой кости и серебра. Превосходные очертания рамы переходили в серебряную оправу, гравированную длинными переплетающимися линиями, которые превращались в волны, волны становились листьями, глаза богов и оленей выглядывали из-за листьев, которые оказывались волнами, и волны снова становились линиями. Это была работа великого мастера, её было видно с первого взгляда, и чем дольше вы смотрели, тем яснее это видели. Однако вся её красота была практичной, покорной, предназначенной служить звуку. Звуки арфы Гвилан были текущей водой, дождём, солнечным светом на воде, набегаящими волнами и пеной на коричневом песке, лесами, листьями и ветвями деревьев, сияющими глазами богов и оленей среди листвы, когда ветры поют в долинах. Она была всем этим и ничем из этого. Когда Гвилан играла, арфа создавала музыку, а что такое *музыка* — всего лишь *маленькие морщинки воздуха*.

Она играла там, где этого желали. Голос Гвилан звучал хорошо, но ему не хватало сладости, поэтому когда требовались песни и баллады, она аккомпанировала певцам. Слабые голоса вырастали, когда она играла, тонкие голоса при ней добивались славы; самые гордые, самые громкие певцы пропускали стих, чтобы послушать, *как* она играет соло. Она играла вместе с флейтой, вместе с флейтой и тамбурином, она играла музыку, написанную только для арфы, и музыку, которая рождалась сама, лишь только её пальцы дотрагивались до струн. На свадьбах и праздниках говорили: *«Гвилан будет играть сегодня!»*, а на музыкальных состязаниях: *«Когда будет играть Гвилан?»*

Она была молода; её руки были железными, а прикосновение шёлковым, она могла играть всю ночь и весь следующий день. Она путешествовала из долины в долину, из города в город, останавливаясь то здесь, то там и снова двигаясь с другими музыкантами в их странствиях. Они шли пешком, или за ними посылали фургон, или их подбирала фермерская телега². Но как бы они не двигались, Гвилан несла арфу в чехле из³ кожи и шёлка на спине, или в

2 В оригинале «телеге». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

3 В оригинале «их». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

руках. Когда она ехала, то ехала с арфой, когда она шла пешком, то шла с арфой, а когда она спала, нет, она не спала с арфой, но арфа была там, где она могла протянуть руку и потрогать её. Она не ревновала к арфе и могла бы охотно поменяться инструментом с другим арфистом; для неё было большим удовольствием, когда в конце концов он возвращал её назад с явной завистью: *«Никогда не играл на таком тонком инструменте»*. Она держала арфу в чистоте, полировала украшения⁴ и накручивала струны, сделанные старым Улиадом, которые стоили *так дорого* за штуку, как целый набор струн для обычной арфы. В летнюю жару она несла её в тени собственного тела, морозной зимой делила с ней шубу. В зале с очагом она не садилась с ней слишком близко к огню, но не садилась и слишком далеко, ибо смена тепла и холода изменила бы голос арфы и, возможно, повредила бы раму. К себе она не проявляла и половины такой заботы. И в самом деле, она не видела в этом необходимости. Она знала, что *были другие арфисты*⁵ *и будут другие арфисты*; большинство из них не *так хороши*, но некоторые лучше. Но *эта арфа — самая лучшая. Не было и не будет лучшей*. Поэтому восхищение и служба предназначены ей. Она не была её владелицей, а только играла на ней. Арфа была её радостью, её музыкой, её жизнью, этот благородный инструмент.

Она была молода; она путешествовала из города в город; она играла *«Прекрасную долгую жизнь»* на свадьбах и *«Зелёные листья»* на праздниках. Были похороны с поминальным пиром, пение элегий, Гвилан играла *«Плач Ориота»*, музыку, которая грохочет и плачет, как море и чайки, принося облегчение и поток слёз иссушённому горем сердцу. Были музыкальные дни, когда соперничали арфисты, пронзительно пищали дешёвые скрипки и теноры старались перекричать друг друга. Она шла из города в город под солнцем и под дождём, с арфой за спиной или в руках. Поэтому в один из дней она шла на ежегодный музыкальный день в Комин, и землевладелец Торм Вале подвёз её, человек, который так любил музыку, что выменял добрую корову на плохую лошадь, ибо корова не могла довезти его туда, где он мог бы послушать музыку. Он и Гвилан ехали в шаткой двуколке и длинношеяя чалая шагала вниз по крутой, залитой солнцем дороге из Торма.

Медведь ли в придорожном лесу, или призрак медведя, или тень ястреба, только лошадь бросилась в сторону на полдороге⁶. Торм как раз разговаривал с Гвилан о музыке, размахивая руками, дирижируя хором голосов, дождь стекал по растопыренным пальцам. Лошадь прыгнула, как кошка, и понесла. На крутом повороте дороги двуколка перевернулась и разбилась о выступ скалы. Вырвалось и укатилось колесо, прыгая, как волчок, сразу на несколько ярдов. Чалая рванулась, скользнула с дороги, утащив половину разбитой двуколки, и убежала, а дорога тихо стояла в солнечном свете между деревьями леса.

Торма выбросило из двуколки и он лежал оглушённый с минуту или две.

4 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

5 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

6 В оригинале «пол-дороге» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Когда лошадь понесла, Гвилан прижала арфу к себе, но при столкновении ослабила хватку. Двуколка опрокинулась на арфу и протаскилась по ней. Арфа была в чехле из кожи и вышитого шёлка, но когда одной рукой она вытащила чехол из-под колеса и открыла его, то достала не арфу, а кусок дерева, и ещё кусок, путаницу струн, осколки слоновой кости, и мятую ракушку из серебра, гравированного линиями, листьями и глазами, прикреплённую серебряным гвоздём к фрагменту рамы.

После этого шесть месяцев прошло без игры, потому что она сломала руку в запястье. Запястье зажило достаточно хорошо, но нельзя было починить арфу, и тогда землевладелец Торм спросил, *не хочет ли она выйти за него замуж*, и она ответила *да*. Иногда она удивлялась, *почему* сказала *да*, никогда до этого особенно не задумываясь о замужестве, но когда пристально заглядывала в себя, то *видела* причину. Она видела Торма на дороге в солнечном свете коленопреклонённого у разбитой арфы, всё лицо в крови и в пыли, и *он плакал*. Когда она посмотрела на⁷ это, то увидела, что *время бродяжничества и скитаний кончилось и прошло*. Вот день движения, но проходит ночь, и на следующий день ничего хорошего в движении нет, потому что *ты прибыл туда, куда шёл*.

Гвилан внесла приданным золотую монету, которая была прошлогодним призом на музыкальном дне Четырёх долин, она пришила её к своей кофте в виде броши, ибо на что на земле можно истратить золотую монету. У неё были также две серебряные монеты, пять медных и большая зимняя шуба. Торм вложил дом и хозяйство, поля и лесá, четырёх фермеров-арендаторов, ещё беднее, чем сам, двадцать кур, пять коз и сорок овец.

Они поженились по старому обычаю, сами по себе, над родником, где начинался ручей, возвратились и взялись за хозяйство. Торм никогда не предлагал свадьбы с пением и игрой на арфе, ни слова ни о чём таком. Он был мужчиной, которому *можно верить*. Таков был Торм.

Что начинается с болью и в слезах, никогда не освободится от страха боли. Они двое были мягки друг к другу. Не то, чтобы они прожили вместе тридцать лет, и ни разу не поссорились. Даже две скалы, стоя бок о бок, устанут друг от друга за тридцать лет, и кто знает, *что* они говорят временами, когда их никто не слышит. Но если люди доверяют друг другу, они могут поворчать, и добрая доля ворчания забирает топливо у гнева. Поэтому ссоры вспыхивали и сгорали, как кусочки бумаги, не оставляя ничего, кроме лёгкого пепла, смеха в постели в темноте. Земля Торма никогда не давала больше, чем достаточно, и денег не скопилось. Но дом был хорош, и солнечный

---

7 В оригинале без «на». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

свет сладок на высоких каменистых полях. Было двое сыновей, которые выросли в весёлых разумных мужчин. У одного был вкус к скитаниям, другой был рождён фермером; *ни один не имел дара к музыке.*

Гвилан никогда не говорила, что хочет другую арфу. Но к тому времени, когда запястье зажило, старый Улиад прислал с путешествующим музыкантом одну из своих арф взаймы; *когда ему предложат за неё настоящую цену, он пришлёт за ней.* В это же время, когда Торм получил арфу, у него были деньги от продажи трёх хороших тёлочек землевладельцу фермы Камин Хай, и этих денег хватило бы за арфу; их и хватило. Годом-двумя позже старый друг флейтист,⁸ всё ещё путешествующий и бродяжничающий, принёс ей в подарок арфу с юга. Трёхтёлочная арфа была обычным инструментом, простым и тяжёлым; арфа с юга была изящно вырезана и позолочена, но эксцентрична по тону и писклява в голосе. Гвилан могла извлечь сладость из одной и силу из другой. Когда она брала арфу или говорила с ребёнком, все повиновались ей.

Она играла на всех празднествах и похоронах по соседству, а на плату музыканта покупала хорошие струны; не струны Улиада, однако, ибо Улиад был в могиле ко времени рождения второго ребёнка. Если поблизости был музыкальный день, она ехала туда с Тормом. Она не участвовала в соревнованиях, но не из страха проиграть, а потому что теперь *больше не была арфисткой*, и если другие этого не понимали, то она понимала прекрасно. Поэтому она стала судьёй на соревнованиях и судила хорошо и безжалостно. В ранние годы музыканты часто в своих странствиях останавливались и оставались у Торма на две-три ночи; с ними она играла «Охоту Ориота», «Танцы Кайл», трудную и учёную музыку севера, и выучивала от них новые песни. Даже зимними вечерами в доме Торма звучала музыка: она играла на арфе — обычно на трёхтёлочной, иногда на раздражительной южанке — а хороший тенор Торма и голоса мальчиков пели, вначале сладким трио, потом хриплым ненадёжным баритоном; а один из людей с фермы был ярким скрипачом, и пастух Кет, когда он был дома, играл на свирели, хотя никогда по нотам. «Сегодня у нас свой музыкальный день», говаривала Гвилан. «Положи ещё полено в очаг, Торм, и спой со мной «Зелёные листья», а ребята подпоют дискантом.»

С годами запястье, что было сломано, стало менее гибким; потом за руки принялся артрит. Работа по дому и на ферме не была лёгкой работой. Но кто же, взглянув на руку, скажет, что она создана для лёгкой работы? При взгляде на неё видно, что она предназначена делать трудные дела, что это благородный, старательный слуга сердцу и разуму. Но даже лучшие слуги с годами становятся неуклюжими. Гвилан ещё могла играть на арфе, но не так хорошо, как играла когда-то, а ей не слишком нравилась полумера. Поэтому обе арфы висели на стене, хотя она продолжала их настраивать. Около этого времени младший сын ушёл в странствие посмотреть, на что похожи вещи на севере, а старший женился и привёл невесту в Торм. Старого Кета нашли мёртвым на горё под весенним дождём, его собака молча свернулась рядом, овцы паслись неподалёку. И пришла засуха, и добрый год, и год плохой, но

8 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

были продукты, чтобы есть и готовить, была одежда, чтобы носить и стирать, плохой ли год, или добрый. В середине зимы Торм заболел. Вначале кашель, потом сильный жар, потом его охватило успокоение и он *умер*, когда Гвилан сидела рядом.

Тридцать лет, можно ли сказать, сколько они длятся, и всё же они длятся не дольше, чем произносишь эти слова: *тридцать лет*. Можно ли сказать, как тяжёл груз тридцати лет, и всё же можно его держать весь вместе в ладони, и он легче частицы пепла, короче смеха в темноте. Тридцать лет начались болью; они прошли в мире и удовлетворённости. Но *они не кончились здесь. Они кончились там, где начались.*

Гвилан встала со своего кресла и прошла в комнату с очагом. Все остальные спали. В свете свечей она видела две арфы, висящие на стене:⁹ трёхтёлочная арфа и позолоченная южная арфа, тусклая музыка и фальшивая музыка. Она подумала: *«Сниму их, наконец, и разобью о камень очага, поломаю, и от них останутся только щепки и путаница проволоки, как от моей арфы.»* Но она не стала делать этого. Она вообще не могла никогда больше играть на них, руки стали слишком жёсткими. *Глупо разбивать инструмент, на котором нельзя играть.*

«Не осталось инструмента, на котором я могу играть», подумала Гвилан, и эта мысль висела в ней немного, как долгий аккорд, пока она не поняла ноты, из которой состояла мысль. *«Я думала, что моя арфа — это я. Но это не так. Она разбилась, а я нет. Я думала, что я жена Торма, но это не так. Он умер, а я нет. У меня больше ничего не осталось, кроме самой себя. Ветер задувает из долины, и в голосе слышится мелодия. Потом ветер прекращается или меняется. Надо делать работу,¹⁰ и мы её делаем. Теперь настал их черёд, черёд детей. Мне останется только петь. Я никогда не умела петь. Но играешь на том инструменте, который есть.»* Поэтому она встала у холодного очага и запела мелодию «Плача Ориота». Люди в доме проснулись в своих постелях и слушали её пение, все, кроме Торма, но он уже знал этот напев. Нетронутые струны арф, висящих на стене, пробудились и нежно ответили голосом на голос, словно глаза, которые сияют среди листьев, когда дует ветер.

1977 © Урсула Кроубер Ле Гуин

9 В оригинале запятая вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

10 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

ИНФОРМАЦИЯ О КНИГЕ:

«Арфа Гвилан» Урсула Кроубер Ле Гуин
«The Compass Rose»: part «West»
«Gwilan's Harp» Ursula Kroeber Le Guin
1977 © Ursula Kroeber Le Guin/Урсула Кроубер Ле Гуин
edit: Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

Авторство документа:	Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus
Редакция и оформление:	09.09.2017
Время редактирования:	00:51:18
Количество сохранений:	10

Общее количество страниц:	12
Общее количество абзацев:	94
Общее количество слов:	2560
Общее количество символов:	15984

Copyright © 1977 by Ursula Kroeber Le Guin

Copyright © 1996 by Е. Гужов (переводчик)

*Copyright © 09.09.2017
by Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus*

Le Guin